

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 81'42; 801.7
DOI 10.17223/19986645/29/8

Н.А. Азаренко

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ МЕТАФОРЫ СНА-ОТКРОВЕНИЯ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

В статье исследуется языковая реализация концептуальной христологической метафоры Ф.М. Достоевского, скрывающей под описанием чего-то обычного, обыденного, хорошо знакомого (структуры источника, source domain метафоры) глубоко христианский смысл (структуру цели, target domain метафоры), предопределенный основным художественным методом писателя, который может быть определен как метод христологической метафоризации персонажей и пространства. Авторская метафора сна-откровения становится особым поэтическим приемом Достоевского, и, хотя каждое сновидческое состояние героев «Преступления и наказания» можно определить посредством частных метафор (сон-пророчество, сон-предчувствие, сон-предупреждение и др.), все они так или иначе «укладываются» в общую метафору сна-откровения писателя.

Ключевые слова: когнитивная метафора, сон-откровение, языковая картина мира, Бог, сатана.

Символическая и пророческая роль снов и грез в творчестве Ф.М. Достоевского общеизвестна [1]. Сонные видения и грезы, где происходит амплификация болезненного состояния и сновидения, являются мотивом, пронизывающим и окольцовывающим роман «Преступление и наказание». Можно сказать, что всё его содержание символически отражается в сновидческих состояниях героев, которые объединены мотивами страха, смерти и веселья.

Всего собственно сновидческих состояний главного героя романа Родиона Раскольников в романе пять. Это сон об убиении лошади, грезы о чистой воде «где-нибудь в Африке», сон об избиении квартирной хозяйки Раскольникова помощником квартального надзирателя, сон о попытке убийства старухи процентщицы и сон о моровой язве, убивающей человечество, в эпилоге романа.

Помимо Раскольникова, сны видит и еще один, погружившийся во «тьму» персонаж – Свидригайлов. Мотив сна необходим Достоевскому для того, чтобы показать глубину удаления этих персонажей от Бога и дать своеобразную подсказку и героям, и читателям в понимании ложности путей, по которым идут Раскольников и Свидригайлов. Великий русский писатель хочет показать, что и отдельный человек, и человечество в целом без Бога обречены на гибель, именно поэтому все сны в романе – это сны-откровения, когда посредством описания сна Раскольникова или Свидригайлова Достоевский метафорически демонстрирует степень их греховности, степень удаления от Бога.

В данном случае, как и в большинстве других, находит свою реализацию концептуальная христологическая метафора писателя (о концептуальной (когнитивной) метафоре (см.: [2–8] и др.), когда под описанием чего-то обычного, обыденного, хорошо знакомого (структуры источника, source domain метафоры) скрывается глубоко христианский смысл (структура цели, target domain метафоры), предопределенный основным художественным методом Достоевского, который, на наш взгляд, можно определить как метод христологической метафоризации персонажей и пространства.

Можно сказать, что сон-откровение становится особым поэтическим приемом Достоевского, и хотя каждое сновидческое состояние можно определить посредством частных метафор, все они так или иначе «укладываются» в общую метафору сна-откровения писателя.

Первый сон-откровение можно определить более детально как сон-пророчество, сон-предчувствие или сон-предупреждение. Приближающееся грехопадение отражается в болезненном сознании героя в причудливых символических образах. Раскольников, готовясь к испытанию идеи, заранее предчувствует его результат, переживая это предчувствие как болезненное сновидение – кошмар. «Кровь кричит» в душе будущего убийцы еще до совершения убийства, и тем более кричит она, по словам кухарки Настасьи, после преступления.

Болезненное состояние Раскольникова и его страшные предчувствия постоянно подчеркиваются автором: будущий преступник находится в полубес-сознательном состоянии, граничащем с сумасшествием или одержимостью. Именно в снах Раскольников предчувствует, что сам окажется жертвой своей идеи, и после преступления он действительно испытывает чувства убиваемой в первом сне лошади: после совершенного убийства он дрожит, «как загнанная лошадь» [9. Т. 6. С. 90]. Идиоматичность использованного сравнения в языковой картине мира Достоевского частично или полностью снимается, заменяясь метафоричностью прочтения.

Известно, что образ коня у кочевых народов – это образ космоса [10. С. 67]. По словам Достоевского, «русский мальчик так и рождается вместе с лошадкой» [9. Т. 14. С. 189], и убийство этой лошади не что иное, как антоним рождения, т.е. символ гибели. Не случайно, когда Раскольников стоит около двери убитой старухи, слушает, как в дверь звонят, и сжимает в руке топор, ему кажется, «что это **точно во сне**, когда **снится**, что догоняют, близко, **убить хотят...**» [9. Т. 6. С. 66]. И снова: «**точно всё это снилось**» [9. Т. 6. С. 67]. Компоненты составного глагольного сказуемого, повтор сравнения, а также определительное и указательное местоимения (а местоимения всегда сверзначимы у Достоевского) указывают на пророческий характер первого сна Раскольникова, в котором звучит голос Бога, к сожалению, не услышанный Раскольниковым, будучи заглушенным более мощным дьявольским голосом.

На особую, пророческую значимость первого сна Раскольникова указывает тот факт, что мотив избивания лошади как бы окольцовывает «Пятикнижие», поскольку в последнем его романе вновь читаем: «У Некрасова есть стихи о том, как мужик сечет лошадь по глазам, “по кротким глазам”» [9. Т. 14. С. 219].

Стоит сказать, что мотив избиения и убиения лошади родом из детства Достоевского, а, как известно, все детские впечатления чрезвычайно важны для формирования миропонимания человека, именно поэтому этот мотив занял столь важное место в картине мира писателя, став метафорой жертвы, в случае с Раскольниковым – жертвой сатаны.

Итак, первый сон-предупреждение Раскольников не смог понять правильно, поэтому Достоевскому понадобился еще один сон – непосредственно перед преступлением, и этот сон – снова метафора-откровение о всё ещё относительно чистой, не запачканной кровью совести Раскольникова, на что, на наш взгляд, указывает употребление вokkaзиональной метафоре «чистого песка» прилагательного «чистый», которое в текстах Достоевского чаще всего выражает метафорическое значение «нравственно безупречный» [11. С. 680]. На наш взгляд, можно даже сказать, что это этот сон – метафора рая, которая, окольцовывая роман, повторяется в самом его финале, и, как и в первом случае, – в момент кардинальной смены духовного состояния главного персонажа романа.

Весь день преступления Раскольников проспал, и, перед тем как проснуться около шести¹ часов, ему пригрезилось следующее: «...*всего чаще представлялось ему, что он где-то в Африке, в Египте, в каком-то оазисе. Караван отдыхает, смирно лежат верблюды; кругом пальмы растут целым кругом; все обедают. Он же все пьет воду, прямо из ручья, который тут же, у бока, течет и журчит. И прохладно так, и чудесная-чудесная такая голубая вода, холодная, бежит по разноцветным камням и по такому чистому с золотыми блестками песку... Вдруг он ясно услышал, что бьют часы*» [9. Т. 6. С. 56].

Итак, сны-предупреждения не дешифрованы Раскольниковым, и грех совершается. В связи с этим логично, что следующий сон – об избиении квартирной хозяйки Раскольникова помощником квартального надзирателя, на наш взгляд, не что иное, как метафора бесовского шабаша, своего рода триумфа сатаны, добившегося своей цели. Не случайно весь фрагмент текста, описывающий этот сон, изобилует лексемами, содержащими в структуре своего лексического значения экспрессивную сему «сильный шум»: это существительные «крик», «усиленное» определением «ужасный»; «вой», «воплъ» с градуатором «такой»; «зверство» с тем же степенным пояснителем; глаголы «выть» и «визжать» («Он (Раскольников) очнулся в полные сумерки от **ужасного крику... Такого воя, вопля... он никогда еще не слыхивал и не видывал. Он и вообразить не мог себе такого зверства, такого исступления... Драки, вопли и ругательства становились всё сильнее и сильнее. И вот... он вдруг расслышал голос своей хозяйки. Она **выла, визжала и причитала...**» [9. Т. 6. С. 90]). Достоевский использует также сложноподчиненное предложение с придаточным степени и меры, чтобы указать на степень погружения Раскольникова в бесовскую тьму, для чего используется лексема, производная от**

¹ Возможно, число «шесть», как и в случае с Соней, которая пошла «на такое дело» в шесть часов, выражает бесовскую метафоричность, указывая на виновника «падения» обоих персонажей, в одном случае (Сонином) – физического, в другом (Раскольникова) – духовного.

«бес»: *«Голос бывшего стал до того ужасен от злости и бешенства, что уже только хрипел...»* [9. Т. 6. С. 90].

Примерно та же метафоричность триумфа сатаны, добившегося своей цели, выражается, на наш взгляд, и в сне о неудавшейся попытке убийства старухи процентщицы. Возможно, на эту демоническую радость указывает смех старухи во сне, метафорически говорящем о том, что Раскольников убил не её, а себя. Кроме того, во фрагменте, описывающем этот сон, явно выражается карнавальная детерминированность амбивалентного творчества Достоевского, где смех так или иначе связан с демонической сферой.

Конечно, главный во всех отношениях сон Раскольникова и всего романа – о моровой язве, убивающей человечество, в эпилоге романа. Принципиально важно в метафорическом плане то, что сон этот приходится на конец Великого поста и Святую неделю. Этот сон-откровение – предупреждение человечеству, это метафорическое изложение Апокалипсиса (см.: Откровение Иоанна Богослова, гл. 8–17)).

Однако в романе есть и другие описания состояний Раскольникова, близких к снам или грезам своей бессознательностью или полусознательностью, открывающими подсознание. О болезни Раскольникова после преступления говорится, что он *«не то чтоб уж был совсем в беспмятстве... это было лихорадочное состояние с бредом и полусознанием»* [9. Т. 6. С. 92]. И в этих полугрезах также содержится много лексем с семой «шум»: это глаголы «спорить» и «ссориться» с экспрессивным распространителем «очень», «грозить», «смеяться», «дразнить», представляющие у Достоевского концепт БЕ-СОВЩИНА (*«То казалось ему, что... очень об нем спорят и ссорятся. То вдруг... грозят ему... смеются и дразнят его»* [9. Т. 6. С. 92]). Кроме того, эти грезы, как и сны об убиении лошади и старухи, сопровождаются смехом и поддразниванием, что также указывает на инфермальную метафоричность, вложенную Достоевским в образ Раскольникова.

Состояние полузабытья, в котором находился Раскольников после слов мещанина «ты убивец», также можно приравнять к сновидческим состояниям. На этот раз полузабытье продемонстрировало борьбу Бога и дьявола в душе Раскольникова, о чем говорят, с одной стороны, видение колокольной В-й церкви и воскресный звон колоколов, с другой – трактир, распивочная, всегда инфермально маркированная у Достоевского: *«Он ни о чем не думал. Так, были какие-то мысли или обрывки мыслей, какие-то представления, без порядка и связи, - лица людей, виденных им еще в детстве или встреченных где-нибудь один только раз и об которых он никогда бы и не вспомнил; колокольная В – й церкви; бильярд в одном трактире и какой-то офицер у бильярда, запах сигар в какой-то подвальной табачной лавочке, распивочная, черная лестница, совсем темная, вся залитая помоями и засыпанная яичными скорлупками, а откуда-то доносится воскресный звон колоколов»* [9. Т. 6. С. 210]. Последнее процитированное антитезное предложение глубоко метафорично, и, как всегда у Достоевского, эта метафора двойственная, выраженная в противопоставляющихся частях сложносочиненного предложения: глубокая (реализовано в градуаторе «совсем») «тьма» (метафорическое значение у Достоевского прилагательных «черный» и «темный» последовательно инфермально) заполнила душу «спящего» Раскольникова, но для него еще воз-

можно пробуждение, он еще способен услышать голос Бога (звон колоколов) – именно таково, на наш взгляд, метафорическое прочтение этого полубессознательного состояния Раскольникова.

Как мы уже сказали, сны-откровения видит в романе не только Раскольников. Сон-откровение о приближающейся трагедии в ее жизни, приведшей к смерти, видит и Пульхерия Александровна Раскольникова сразу после первого свидания с сыном [9. Т. 6. С. 169].

Сон с ускользающей мышью в ночь перед смертью Свидригайлова [9. Т. 6. С. 390] также сон-откровение – метафора омраченной грехом совести Свидригайлова, которого, так же как Раскольникова, можно назвать «спящим» героем, но в отличие от последнего, Свидригайлову не суждено было «проснуться», и об этом метафорически свидетельствует мотив ускользнувшей (совершенный вид причастия) от Свидригайлова мыши-жизни в его сне.

Говоря о «спящих» персонажах, можно утверждать, что для Достоевского возможны два выхода из этого состояния: или пробуждение к жизни вечной с Христом, или смерть (об этом, например, говорит Алеша Карамазов, рассуждая о будущем своего «спящего» брата Ивана: *«Или восстанет в свете правды, или... погибнет в ненависти»* [9. Т. 15. С. 89]). Такова евангельская традиция, вполне воспринятая Достоевским.

Как видим, для Раскольникова пробуждение оказалось возможным, однако его начало приходится на финал романного повествования, когда Раскольников приобретает статус «пробуждающегося» (к праведной жизни с Богом) героя. Сам же грех убийства совершается именно в состоянии сна как погружения во тьму греха. На это указывает использование приема сравнения в рассуждениях относительно преступления, совершенного Раскольниковым: *«Слишком известный феномен, – ввязался Зосимов, – исполнение дела иногда мастерское, прехитрейшее, а управление поступками, начало поступков, расстроено и зависит от разных болезненных впечатлений. Похоже на сон... А гармонического человека... на десятки, а может и на многие сотни тысяч по одному встречаются»* [9. Т. 6. С. 369].

Последние процитированные односоставные предложения, находящиеся в антитезных отношениях, демонстрируют контекстную антонимию «сонно-го» (т.е. порочного, греховного) персонажа Достоевского, видящего сны-откровения (а конкретнее, сны-пророчества и сны-предупреждения), и гармонического (праведного, христоликого, по Иустину Поповичу [12]) человека, идеалом которого для глубоко верующего писателя, несомненно, является образ Христа.

Гармоничными персонажами можно назвать князя Мышкина и Алешу Карамазова. Конечно, некоторая ошибочность наблюдается и в поведении «гармонического» Мышкина: вступление в «жениховское состязание» с Рогожиным и Ганей Иволгиным нарушает его праведническое предназначение, так как ангелы не женятся и не пытаются этого сделать. Стоит сказать, что и Алеша Карамазов соглашается жениться в будущем на Лисе Хохлаковой (известно, что во второй, оставшейся ненаписанной части «Братьев Карамазовых» Достоевский планировал этот союз), что также мешает абсолютной гармоничности этого персонажа.

Литература

1. Щенников Г.К. Функции снов в романах Достоевского // Русская литература 1870–1890 годов. Свердловск, 1970. С. 37–52.
2. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём / пер. с англ.; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М., 2004.
3. Брандт Л., Брандт П.А. Как понять метафору: Когнитивно-семиотический подход к изучению метафор (перевод с сокращениями) // Вопр. когнитивной лингвистики. 2010. Вып. 4. С. 5–19.
4. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. М., 1994.
5. Пименова М.В. Артефактные метафоры как способ объективации концепта «жизнь» // Изменяющийся славянский мир: новое в лингвистике: сб. ст. Севастополь, 2009. С. 28–38.
6. Шурина Ю.В. Метафора как источник комического в современном российском медиа-дискурсе // Вопр. когнитивной лингвистики. 2009. Вып. 4. С. 116–122.
7. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. М., 1988. С. 11–26.
8. Плисецкая А.Д. Метафора как когнитивная модель в лингвистическом научном дискурсе: образная форма рациональности // Когнитивное моделирование в лингвистике. Варна, 2003.
9. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. М., 1972–1990.
10. Гачев Г. Национальные образы мира. М.: Сов. писатель, 1988.
11. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1981–1984.
12. Иустин, преподобный (Попович). Достоевский о Европе и славянстве / вступ. ст. Н.К. Симаква; пер. с серб. Л.Н. Даниленко. М.; СПб., 2002.

THE "REVELATION DREAM" METAPHOR IN F.M. DOSTOEVSKY'S *CRIME AND PUNISHMENT*.

Tomsk State University Journal of Philology, 2014, 3 (29), pp. 92–98. DOI 10.17223/19986645/29/8

Azarenko Nadezhda A., Lipetsk State Pedagogical University (Lipetsk, Russian Federation). E-mail: azarenko.nadezhda@yandex.ru

Keywords: cognitive metaphor, revelation dream, linguistic world view, God, devil.

New methodology positions taken and latest results of cognitive linguistics achieved, we have used all mentioned above to consider the symbolic and prophetic role of dreams in F.M. Dostoevsky's *Crime and Punishment*.

Why the writer needs this dream motive is to show how far the main so called "dark" characters have gone from God and to give a kind of a hint to see the falsity of those ways, that is why all the novel's dreams are revelations, and when Dostoevsky describes those of Raskolnikov or Svidrigailov, it is done to metaphorically prove them sinful and distant from God.

In this and many other cases, we observe the writer's conceptual Christological metaphor is expressed; it is when a description of something casual and familiar (metaphor source domain) hides a deeply Christian sense (metaphor target domain). To say more, the sense is predefined by Dostoevsky's basic manner that can be defined as characters and spaces Christological metaphorization method.

We may even say that the revelation dream becomes Dostoevsky's very special poetic device, and though each dream state can be defined by a set of particular metaphors, they all stay within the general one.

Raskolnikov's first can be specified as a prophecy, a premonition, or a warning. In other words, we can call it a victim's metaphor, and the Devil's victim here is Raskolnikov himself.

Raskolnikov's second dream, the one just before his crime, is what we call a revelation metaphor which reveals his comparatively good (no blood stains yet) conscience. We even find it right to call this dream a metaphor of Heaven. Circling the novel, it is repeated at its very end, and like in the first case, at the moment of a drastic change in the spiritual mind of the main character.

So, Raskolnikov does not decipher his warning dreams and he commits a sin, thus we reckon that the next dream of his (where his host mother is beaten to a pulp by a borough tipstaff) is nothing else but a devilish Sabbath that witnesses the Satan's triumph. The same metaphoric victory is expressed in the dream of the failed attempt of the old pawnbroker murder.

Raskolnikov's dream of the homicidal plague (in the epilogue) is in every respect the principal dream: being a revelation, it acts as a warning to the humanity and a metaphoric rendering of the Apocalypse, or the Revelations (ref. St. John the Evangelist's Revelations, chapters 8-17).

The dream with a mouse slipping away on the night of Svidrigailov's death is a revelation dream, too. It is a metaphor of his stained conscience. Like Raskolnikov, Svidrigailov can be called a sleeping character (in the author's terms, a sinful one) as contrasted with harmonic (holy souls) characters that are spiritually approaching Christ.

REFERENCES

1. Shchennikov, G.K. *Funktsii snov v romanakh Dostoevskogo* [Function of dreams in Dostoevsky's novels]. In: *Russkaya literatura 1870-1890 godov* [Russian Literature of the 1870-1890s]. Sverdlovsk, 1970, pp. 37-52.
2. Lakoff G., Johnson M. *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Translated from English by A.N. Baranov. Moscow: Editorial URSS Publ., 2004.
3. Brandt L., Brandt P.A. Kak ponyat' metaforu: Kognitivno-semioticheskiy podkhod k izucheniyu metafor (perevod s sokrashcheniyami) [How to understand the metaphor: a cognitive-semiotic approach to the study of metaphors (abridged translation)]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 2010, issue 4, pp. 5-19.
4. Baranov A.N., Karaulov Yu.N. *Slovar' russkikh politicheskikh metaphor* [The Dictionary of Russian Political Metaphors]. Moscow: Pomovskiy i partnery, 1994. 330 p.
5. Pimenova M.V. *Artefaktnye metafori kak sposob ob"ektivatsii kontsepta "zhizn"* [Artifact metaphors as a way of objectification of the concept "life"]. In: Pimenova M.V. (ed.) *Izmenyayushchiyasya slavyanskiy mir: novoe v lingvistike* [The changing Slavic world: the new in linguistics]. Sevastopol', 2009, pp. 28-38.
6. Shchurina Yu.V. *Metafora kak istochnik komicheskogo v sovremennom rossiyskom media-diskurse* [Metaphor as a source of the comic in modern Russian media discourse]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 2009, issue 4, pp. 116-122.
7. Gak V.G. *Metafora: universal'noe i spetsificheskoe* [Metaphor: the universal and the specific]. In: Teliya V.N. (ed.) *Metafora v yazyke i tekste* [Metaphor in language and text]. Moscow: Nauka Publ., 1988, pp. 11-26.
8. Plisetskaya A.D. *Metafora kak kognitivnaya model' v lingvisticheskom nauchnom diskurse: obraznaya forma ratsional'nosti* [Metaphor as a cognitive model in linguistic scientific discourse: a figurative form of rationality]. In: *Kognitivnoe modelirovanie v lingvistike* [Cognitive modeling in linguistics]. Varna, 2003.
9. Dostoevsky F.M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete works. In 30 vols.]. Moscow, 1972-1990.
10. Gachev G.D. *Natsional'nye obrazy mira* [National images of the world]. Moscow: Sovetskiy pisatel' Publ., 1988. 448 p.
11. Evgenyeva A.P. (ed.) *Slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [A Dictionary of the Russian Language. In 4 vols.]. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1981-1984. Vol. 4.
12. Saint Iustin Popović. *Dostoevskiy o Evrope i slavyanstve* [Dostoevsky on Europe and Slavism]. Translated from Serbian by L.N. Danilenko. Moscow; St. Petersburg, 2002.